

Мифотворчество в процессе институциональных трансформаций культуры

Аннотация. Социально-культурные модернизации непосредственно связаны с мифотворчеством, которое наполняет эмоциональным содержанием положения конкретной доктрины и тем самым обеспечивает высокую степень мобилизации последователей. Миф актуализирует социально-культурные символы и тем самым предоставляет возможность использования потенциала архетипов.

Ключевые слова: миф, мифология, архетип, мобилизация, мифотворчество, идеология.

Современная институциональная трансформация сопровождается полноценным и всеохватывающим мифотворчеством. Можно со всей определенностью рассуждать о мифах глобализации, модернизации, реформирования, инновационной экономике и т. д. Однако не следует негативно воспринимать процесс мифотворчества. Следует лишь детально разобраться с этим явлением, чтобы в полном объеме осознать его позитивный потенциал.

Сознание современного человека, тяготеющего к рациональным доводам и прагматичным выводам, несколько дистанцировалось от «мифопоэтического» способа мышления, которое, впрочем, продолжает сохранять свое значение.

Метафорическое изложение идеологических истин – лишь видимая часть идеологической работы. Мифические образы создают чувство сопричастности с каким-то значительным событием. А для того чтобы сторонники идеологии модернизации ощутили это, требуются наглядные образы. Схематичного изложения программы модернизации явно не достаточно – невозможно быть причастным схеме.

Социально-культурное проектирование связано с созданием стройной системы образов, принятие или отторжение которой обуславливает успех или, напротив, несостоятельность проекта. Устойчивые образы, основанные на мифопоэтических представлениях и имеющие идеологическое значение, можно обозначить как мифологемы. Миф, который питал мысль древнего человека, позднее становился основой рациональных картин мира. Мифология в переработанном мировыми религиями виде становилась основой действий людей. Сегодня творцы социальных проектов воспринимают мифы в качестве ресурса социальной мобилизации, непосредственно связанного со сферой бессознательного.

Алексей Федорович Лосев в «Диалектике мифа» отмечал: «Миф не выдумка, а содержит в себе строжайшую и определеннейшую структуру и есть логически, т. е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще». «Миф не есть произведение или предмет чистой мысли... В основе мифа лежит аффективный корень». «Миф – не идеальное понятие, а также не идея и не понятие, это сама жизнь... Миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность». «Миф всегда синтетически жизнен и состоит из живых личностей, судьба которых освещена эмоционально интимно ощутительно; наука всегда превращает жизнь в формулу, давая вместо живых личностей их отвлеченные схемы и формулы» [1].

Живая, телесная, личностная реальность мифа становится элементом мобилизации, поскольку рождает и постоянно поддерживает эмоционально насыщенные символы. Мифологемы в процессе проектирования не убеждают, они увлекают. Необходимость реализации той или иной программы требует не только доказательства, но и уверенности сторонников в очевидности ее воплощения. Это состояние и становится фундаментом социального бытия. Поскольку мифологическое сознание, рожденное архетипами, оперирует чувственными, а не мысленными образами, то вполне естественным для него оказывается состояние, находясь в котором, человек не сомневается в реальности мифологем. Как отмечал И. Кант, в чувственном знании предметы даются, а не анализируются. В функциях мышления чувственное не нуждается. Чувства ошибаться не могут именно из-за неспособности к обоснованию. Они не судят, потому и не ошибаются [2].

Мифология апеллирует к эмоциональным образам и побуждает людей действовать исходя из чувств. Чувство сопричастности играет особую роль для процесса. Оно придает людям уверенность в правильности своих мыслей и поступков. Оно наполняет жизнь каждого сторонника смыслом, привязывая его к социальному процессу и подчас снимая с него тяжкое бремя выбора и ответственности. Все усилия идеолога направляются лишь на то, чтобы сохранять у последователей желание быть сопричастным. Поэтому когда начинают доминировать другие чувства, такие как усталость, раздражение, апатия, которые являются результатом анализа происходящего, люди перестают жить в мифической реальности, тогда мифологема утрачивает свое мобилизационное значение, а проект начинает нуждаться в новых образах для восстановления сопричастности.

Мифологемы имеют мобилизующее значение, если существуют не автономно, а включены в разработанный ритуал. Исследователь мифа Малиновский полагал, что миф и ритуал представляют собой неразделимое единство. Миф в действии характеризуется как ритуал, который создает у последователей чувство сопричастности и единства. Посредством ритуала устанавливается пространственная и временная связь. Именно ритуал проводит границу между истинным и ложным, способствует восстановлению связей с историческими личностями и событиями прошлого, актуализирует значение поступков мифологических персонажей, делает их участниками современного политического процесса. Малиновский подчеркивал, что миф представляет собой психологический феномен, который регулирует жизнь социума, позволяет концентрировать коллективную волю. Направление же воле придается автором проекта. В процессе проектной деятельности важно учитывать, что мифологема вырастает из сферы бессознательного, и поэтому мифические образы в большей степени созвучны настроениям, а не мыслям [3].

Рассмотрение связи мифических образов с коллективным бессознательным приводит нас к исследованиям Карла Густава Юнга. По его мнению, чувства, переживания, эмоции являются реализацией архетипов – врожденных возможностей представления, которые могут себя проявить неожиданно для самого субъекта. Коллективное бессознательное «...при нормальных условиях не поддается осознанию, и потому никакая аналитическая техника не может его вспомнить, ведь оно не было забыто. Само по себе и для себя коллективное бессознательное тоже не существует, поскольку оно есть лишь возможность, которую мы с прадревних времен унаследовали в виде определенной формы мнемотехнических образов или, выражаясь анатомически, в структуре головного мозга». Коллективное бессознательное проявляется через архетип, который является «...примером огромного типического опыта

бесчисленного ряда предков: это так сказать, психический остаток переживаний одного и того типа. Усреднено отображая миллион индивидуальных переживаний, они дают таким путем образ психической жизни». И далее исследователь подчеркивает: «На каждом шагу мы вынуждены иметь дело с индивидуальными, т. е. не типическими условиями. Так что не удивительно, если, встретив типическую ситуацию, мы внезапно или ощущаем совершенно исключительное освобождение, чувствуем себя как на крыльях, или нас захватывает неодолимая сила. В такие минуты мы уже не индивидуальные существа, мы – род» [4].

В проектной деятельности архетип выполняет функцию «основания – цели»: «основания» – поскольку архетип вдохновляет на определенный вид деятельности, «цели» – поскольку предполагает стремление к состоянию гармонии и целостности. Причем человек лишь чувствует необходимость целостности, приблизительно понимает ее смысл и признает сложность вербального выражения. Он интуитивно оценивает: «так» или «не так». Архетипы связаны с наиболее важными социальными установками и являются универсальными основаниями культуры.

Для идеологии модернизации первоочередным является не только сам архетип, сколько его реализация через мифологические образы и символы. Поскольку для идеологии огромное значение имеет противопоставление, антагонизм, то создатели проектов используют архетип смерти, который с успехом может быть связан с чувством страха (перед подчинением, вырождением, ассимиляцией), с представлениями о справедливой власти (сильном правителе, «золотом веке», героическом освободителе). По мнению Юнга, детализировать архетипы нельзя, так как это разрушает их суть. К ним можно лишь прикоснуться.

Создатели проектов стремятся воздействовать на сферу коллективного бессознательного посредством языковых формулировок. Для них эмоции имеют значение мобилизационного ресурса. Поэтому они, как геологи, ищут в недрах бессознательного необходимый «материал» чувств, чтобы затем осуществить его интенсивную «добычу» и «индустриальную» переработку. В средствах массовой информации символы (архетипы, подвергшиеся этнической интерпретации) становятся основой идеологием, превращаясь в идеологический ширпотреб. А когда слова, формулировки, лозунги «затрутся», начинается их вторичная переработка. И так продолжается до тех пор, пока извлеченный из символов смысл не исчерпает своего мобилизационного ресурса и от него не останется лишь культурологический шлак.

Социально-культурологическое мифотворчество есть обработка уже существующих мифов и придание им полезного для политического проектирования направления. Миф интерпретируется, что усиливает его мобилизационное значение. Однако необходимо помнить, что неаккуратное воздействие на архетип в состоянии привести к деформации контактов с ним. Может произойти и нечто похожее на ядерную реакцию. Энергия архетипа выйдет из-под контроля и окажет разрушительное воздействие на общество. Это происходит в эпохи глобальных трансформаций. Образно говоря, призыв к революции уничтожит и самих призывающих.

Последователи структурализма (Леви-Строс) представляли миф в качестве знаковой системы. Посредством мифических символов осуществляется сглаживание фундаментальных противоречий мира (жизнь и смерть, мужское и женское, космос и хаос). Миф вносит в мир упорядочивающее начало. Символ становится точкой опоры, основанием объяснения, фундаментом гармонизации. Казавшееся непреодолимым противоречие уже не воспринимается таковым. Находится выход.

Можно сказать, что сознание людей жаждет мифа. Клод Леви-Строс отстаивал положение, согласно которому логика мифа и логика мышления современного человека едины [5]. Различие между ними лишь в том, что оказывается основанием логического умозаключения. Этим основанием может быть любое свойство предмета. Мифологизироваться может незначительное по масштабам, но грандиозное с символической точки зрения событие. Этот символ становится основополагающим, обретающим космическое значение (начало новой эры).

Создание мифологем невозможно без осуществления последовательной организации политического пространства и политического времени. Для мифологического сознания эта проблема разрешается с эмоционально-нравственной точки зрения. «Пространственные представления – суть конкретные ориентации, они относятся к местностям, имеющим эмоциональную окраску; они могут быть знакомыми и чужими, дружественными и враждебными». И далее: «Мифопоэтическое мышление в не меньшей степени, чем современное, способно установить координированную пространственную систему, но эта система обусловлена не объективными измерениями, а эмоциональным осознанием ценностей» [6].

Так, еще в древности люди определяли пространство по принципу «мы – они»: египтяне (люди) и все остальные (не люди), цивилизованные греки и варвары, Поднебесье и его окружение, правверные и неверные и т. д. Современность не принесла ничего нового в систему пространственных оценок: «страны третьего мира», «СССР – империя зла», «мир капитализма», «общество цивилизованных стран», «государства-изгои» и т. д.

Социально-культурное мифотворчество осуществляется посредством актуализации ряда специфических черт мифа. По мнению А. Ф. Лосева миф не является рефлексией [7]. Вне всякого сомнения, социальное проектирование не может существовать без практики рационализации социального процесса. Однако при чрезмерном увлечении научной рефлексией мифологический образ утрачивает способность к мобилизации. Идеология модернизации догматизируется и постепенно умирает вместе с последними адептами, которые сохраняют верность прежним идеалам, поскольку не желают или не имеют сил воспринять новую идеологию.

Миф – основа социального участия. Догматизация основных положений доктрины означает смерть мифа. Не возникает больше желания у его сторонников быть сопричастными деятельности политических сил, а в связи с этим снижается потенциал влияния последних. Догмат – непреложная истина, и для своего существования он не нуждается в живом участии последователей идеологии. Догмат самодостаточен. «Догмат пытается утвердить исторические (как равно и не исторические) факты вне времени, вне протекания, хочет вырвать их из потока становления и противопоставить всему текущему. Миф же, как раз текуч, подвижен; он именно трактует не об идеях, но о событиях, и притом чистых событиях, т. е. таких, которые именно нагромождаются, развиваются и умирают, без перехода в вечность» [8].

Жизнеспособный социальный проект не может не реагировать на все происходящее, вдохновляясь им, воссоздавая и возрождая мифологические символы. Успешный проект не может не сохранять личностного оттенка собственных концептуальных положений. Как только индивид перестает личностью воспринимать события, утрачивает способность включать их в живую ткань мифов, а, напротив, начинает загонять события в прокрустово ложе догматов, проектный процесс затухает. В этом случае личность воспринимает идеологию модернизации не как комплекс живых символов, посредством которых можно объяснить реальность, а как сумму чуж-

дых, мешающих жить догм. В то же самое время доктрина не может обойтись без последних, поскольку они выполняют функцию отправной точки. Однако перед создателями проектов стоит сложнейшая задача постоянного наполнения деятельным духом определенных истин, непрерывной их актуализации. Можно сказать так: поскольку идеология модернизации конструирует и упорядочивает, она догматична; поскольку идеология модернизации существует, пока сохраняется ее мобилизационный потенциал, она мифологична. Противоречия здесь нет. Его помогает снять принцип «золотой середины». Крен в одну или в другую сторону означает наступление идеологического кризиса.

Миф создает объяснительный фон социально-культурным процессам. Существование в социально-культурном пространстве означает одновременное существование в мифе, выход из которого приводит к отрицанию конкретной доктрины. Поэтому конкуренция проектов сводится к разрушению фундаментальных мифов. Например, сегодня для традиционалистов всех направлений (религиозных, националистов, государственных) актуальны разрушение глобалистского мифа о возможности существования универсальной организации мира, имеющей надгосударственную форму, и укрепление собственного мифа об уникальности и органичности каждой отдельной культуры. Для глобалистов же неприемлемы мифы традиционности.

Сохранить мобилизационные возможности мифа можно, если сохранится желание максимального количества людей в нем жить, следовать ритуалу. И напротив, эти возможности исчезают, когда последователь перестает понимать смысл следования ритуалу. Задача пропаганды сводится именно к поддержке жизнеспособности мифа. Однако если пропагандисты увлекаются манипуляцией, то крушение мифологем произойдет еще более стремительно. Ритуал – это своеобразное причащение к отстаиваемым ценностям. Утрата желания причащаться выхолащивает смысл ритуала. Именно поэтому успешная проектная работа сохраняет свое значение, если не увлекается массами, а работает с индивидами, так как желание слиться с массой проходит, а с ней и успех массовой пропаганды.

Личные действия ради достижения или сохранения того или иного порядка обеспечивают жизнеспособность мифа. Личность при этом осознает свою значимость, а приобщение к «большому и важному» не приводит к ее растворению в массе. Человек удовлетворен и сам в состоянии себе объяснить свою роль и перспективы в социальном процессе. Мифологемы начинают разрушаться, если их творцы и хранители задают каноны не только идеальной ситуации, но и идеальной личности. Большим успехом у сторонников идеологии пользуется мифологема, предполагающая, что идеальную ситуацию создает не идеальный человек.

Сохранение индивидом самого себя в мифе важно для социально-культурного проектирования. Однако если для поддержания его жизнеспособности человеку необходимо не улучшаться, а в корне меняться, то мифологема утрачивает свою привлекательность. Помимо этого для политического мифа опасна абсолютизация как индивидуального, так и коллективного начала. Первое состояние приводит к отчуждению личности при объективной потребности быть причастным к чему-то большому и важному, второе – к усилению тоталитарных принципов. Поэтому тоталитарные мифы живут, пока человеку предоставляются значительные возможности социальной мобильности, либеральные – пока сохраняются в той или иной степени родовые принципы.

Миф основан на органичной природе социума. Органичность представляет собой важную черту мифа. Человек воспринимая себя в качестве элемента социальной машины, приходит к заключению о своей заменимости. В этом случае теряется

сакральный смысл единства с социумом, поскольку действия человека не имеют бытийного, символического значения. Совершая свои действия, он не восстанавливает космического порядка, а его слабость, трусость, конформизм перестают что-либо значить. Следовательно, он не мучается, когда нарушает принципы. Человек воспринимает общество механически. По его мнению, реализация тех или иных норм будет вполне возможна, когда «включится» социальный «механизм».

Миф всегда субъектен. «Всякий миф, если не указывает на автора, то он сам есть всегда некий субъект. Миф... есть живая действующая личность» [9]. Миф живет верой своих сторонников, который они, впрочем, не создают, а лишь поддерживают его и вдохновляются им. Создаются же мифологемы. Усилия социальных проектировщиков успешны, если отстаиваемые ими принципы и положения разделяются большинством и выражают чаяния большого числа безымянных авторов, интерпретирующих политический процесс, находясь в пределах социального мифа. Миф влияет на образ мыслей и стиль поведения, реализуя тем самым себя в качестве субъекта.

Миф достоверен и истинен, поскольку исходит из объективно существующих, а не надуманных потребностей, норм и правил. Так, ценности гражданского общества базируются на естественном стремлении человека к индивидуальной свободе, а ценности социализма – на желании установления социальной справедливости. Идеологи лишь используют подлинное содержание социальных ожиданий. Однако объективное содержание не может быть конкретизировано, так как конкретизация сужает поле интерпретации, ограничивает возможности мифа. Это все равно, что высчитывать точные сроки второго пришествия. После того, как оно не состоялось, у адептов возникают сильные сомнения в истинности концепции. Для возвращения сил мифу, т. е. для восстановления его объективного смысла, а следовательно и истинности, требуются яркие поступки. Подвиги, массовые экстазы, оживление главного мифологического принципа актуализации прошлого в настоящем. Если этого нет, и нововведения остаются в пределах умствований «жрецов», то ничего плодотворного не получится, конкретные мифологемы окончательно утратят свое значение.

В качестве итогов можно отметить следующее.

1. Социально-культурные модернизации непосредственно связаны с мифотворчеством, которое наполняет эмоциональным содержанием положения конкретной доктрины и тем самым обеспечивает высокую степень мобилизации последователей.

2. Миф актуализирует социально-культурные символы и предоставляет возможность использования потенциала архетипов.

3. Поддержание жизнеспособности мифа посредством разработанного ритуала и постоянно обновляемой интерпретации позволяет сохранять актуальность концепции модернизации.

4. Мифотворчество используется для организации социального пространства, для структурирования социального времени и для обоснования характера действий социальных субъектов.

5. Миф выполняет функцию субъекта.

Ссылки на источники

1. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
2. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения в 6 т. – Т.3. – М.: Мысль, 1964. – 336 с.
3. Malinowski B. Myth in Primitive Psychology. – London: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1926. – 215 с.
4. Юнг К. Г. Проблема души нашего времени. – М.: Прогресс, 1993. – 330 с.
5. Леви-Строс К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
6. Франкфорт Г., Франкфорт Г.А. и др. В преддверии философии. – М.: Наука, 1984. – 221 с.

7. Лосев А. Ф. Указ. соч.
8. Там же.
9. Там же.

Vetrov Sergey,

Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Economy and Management Institute of the Omsk State Transport University, Omsk

vetrovsa@inbox.ru

Mythmaking in process of institutional culture transformations

Abstract. Social and cultural modernization is directly related to myths, which fills the emotional content of the provisions of a specific doctrine and thus provides a high degree of mobilization of followers. Myth updated socio-cultural symbols and thus provides an opportunity to use the potential of the archetypes.

Keywords: myth, mythology, archetype, mobilization, mythmaking, ideology.

Рекомендовано к публикации:

Зиновкиной М. М., доктором педагогических наук, профессором, действительным членом Академии профессионального образования Российской Федерации